

Глава 12. Вся правда

Сейчас Цзи Яо больше всего на свете хотелось трижды крутануться на пятках и взлететь в ночное небо разноцветным салютом. И дело было вовсе не в хмеле — он действительно вернулся.

Они ведь поменялись обратно, верно? Ну конечно верно! Его теплая постель, его дорогие родители, ворчливая сестра... Он дома!

Мать Цзи Яо, заметив его странное, почти лихорадочное возбуждение, лишь покачала головой.

— Хватит там сиять, садись за стол. А то обычно с порога кричишь, что умираешь от голода, а сейчас застыл, как неживой.

— Сейчас-сейчас, мам, я только сделаю один звонок!

Фу Ян, должно быть, испереживался до полусмерти.

Из трубки тут же раздался взволнованный голос:

— Алло? Син-гэ? Ты как, в порядке? Помощь нужна?

Цзи Яо не удержался от смешка:

— Твою же... Стоило мне уехать на пару дней, а ты уже переметнулся к врагу?

— Цзяо-цзяо?! Это правда ты? Вернулся?! А где Син-гэ?

— Без понятия. Думаю, он тоже на своем месте. А ты, я смотрю, так сладко зовешь его «Син-гэ», что обо мне и думать забыл.

На том конце провода послышались неподдельные, оглушительные рыдания:

— Цзяо-цзяо! Живой! Ты наконец-то дома! А я-то думал, всё, поминай как звали... у-у-у...

— Да хорош тебе сырость разводить. Тебя отец смертным боем лупил — ты и слезинки не проронил, а тут рыдаешь, будто меня хоронишь. Ладно, завтра на нашем обычном месте. С праздником тебя.

Цзи Яо нажал на отбой.

Всё-таки не зря говорят: пока не окажешься на грани жизни и смерти, ни за что не узнаешь, кто предан тебе по-настоящему, а кто лишь притворялся.

Мать заботливо наложила ему еды.

— Цзяо-цзяо, Фу Ян тут говорил, что ты последние экзамены сдал просто блестяще. Преподаватели тебя хвалят, не нарадуются.

— А... Да, неплохо вышло, — выдавил Цзи Яо.

На душе мгновенно заскребли кошки — ведь его заслуги тут не было ни на йоту.

Отец отложил газету и посмотрел на сына:

— А с кастингом что? Вопрос решён?

— Утвердили, утвердили! Сценарист даже позвал меня поужинать как-нибудь.

При одной только мысли об этой встрече у Цзи Яо похолодело внутри. Теперь придется судорожно зубрить материал — за те несколько дней в теле принца он упустил слишком много, и пробелы в знаниях были катастрофическими.

— Ты что, действительно засел за учебу? — спросил отец, аккуратно очищая краба и перекладывая сочное мясо в тарелку сына. — Я заметил, ты даже в соцсетях ничего не публикуешь. Обычно ведь по три глупых поста в день выкладывал, а тут — тишина.

Правило первое: в современном мире родители судят о душевном состоянии своих детей исключительно по ленте обновлений.

Приняв пиалу, Цзи Яо тут же сполз на диван, демонстрируя чудеса пластичности и принимая позу полузатонувшего тюленя.

— Ой, да некогда мне было, закрутился совсем.

Он мысленно хмыкнул. Удивительно, что Цзи Яньсин со своей социофобией вообще с ума не сошел в его окружении, какие уж тут публикации в интернете.

Мать тут же хлопнула его по плечу:

— Сядь нормально, смотреть тошно. Если твои фанаты увидят, как ты развалился, они же сразу разбегутся. Ни осанки, ни манер.

«Ага, как же, побегут они ко мне домой подглядывать, как я на диване валяюсь».

Правило второе: никогда не ложись в присутствии матери — гарантированно получишь нагоняй.

— Невероятная вкуснотища! — простонал он, отправляя в рот нежное крабовое мясо.

После пресной дворцовой кухни государства Ци его душа неистово требовала острой придорожной лапши и сочных озерных крабов.

— Ты только не налегай особо, а то твоя Хун-цзе снова устроит разнос из-за лишнего веса, — ворчливо заметила мать.

Однако не прошло и пяти минут, как она снова потянулась к блюду:

— Хочешь еще? Давай еще одного почищу?

Правило третье: в материнском сознании две противоположные установки — «тебе нужно похудеть» и «ты ходишь голодный» — превосходно уживаются друг с другом.

В любой другой день Цзи Яо обязательно бы съязвил, но сегодня эта забота казалась ему самым ценным, что есть на свете. Даже краб на его тарелке словно излучал тепло.

— Ваше импера... ой, пап, ты завтра на работу идешь?

— Завтра же воскресенье, какая еще работа? — удивился отец.

— Мам, сестренка, а давайте завтра устроим семейную фотосессию? Сделаем красивый портрет!

Цзи Мэн, тщательно следившая за фигурой и потому лишь слегка пригубившая ужин, удивленно приподняла бровь:

— С чего вдруг такой порыв? В прошлый раз мы тебя силой тащили, а ты отпирался руками и ногами.

— Ну так тогда я был занят на съемках, — выкрутился Цзи Яо.

Не рассказывать же им, в самом деле, что он побывал в далеком прошлом, посмотрелся на чужие семейные распри и внезапно осознал, какое же это блаженство — жить в тишине и согласии.

— Ладно, — согласилась мать. — Завтра так завтра.

Цзи Мэн вдруг негромко рассмеялась, глядя в экран телефона. Цзи Яо из любопытства вытянул шею и заглянул через её плечо. На дисплее светилась свежая фотография: Фу Ян вместе со своими родителями задорно чокался бокалами с красным вином, глупо и счастливо улыбаясь во весь рот.

— Вот же зараза, — притворно возмутился Цзи Яо. — Сестре моей отправил, а мне нет! Тоже мне, лучший друг называется.

— Завидуешь? — хмыкнула Цзи Мэн. — Держи, перешлю.

— Не надо, побереги мою психику. На эту довольную физиономию без содрогания смотреть невозможно, еще приснится ночью.

Он не погиб. Он вернулся туда, откуда уже и не надеялся выбраться. Все близкие были рядом, живые и невредимые. Как же это было прекрасно.

Вспомнив кое о чем, он торопливо разблокировал телефон и наговорил короткое голосовое сообщение:

— Сюэчан, с праздником Середины Осени вас. Желаю счастья!

Спустя пару минут пришел лаконичный ответ:

«И тебя с праздником Середины Осени». К тексту был прикреплен дружелюбный смайлик.

Цзи Яо засунул телефон в карман, чувствуя, как душу затапливает абсолютное умиротворение. Этот день определенно удался на славу.

Сознание Цзи Яньсина на миг затуманилось. Когда он снова открыл глаза, перед его взором предстали грубые сукна походного шатра.

Оглядевшись по сторонам, он понял — он вернулся.

Однако радости это не принесло. Прямо напротив него сидел Император Ци. И его состояние, казалось, было далеким от обычного. В шатре не было ни души, кроме них двоих.

— Ну же, сын... Налей еще чарку. Выпей с отцом.

Голова Цзи Яньсина слегка кружилась. К крепкому спиртному он притрагивался редко, предпочитая лишь слегка пригубить для настроения, а сегодня на столе стояло превосходное императорское османтусовое вино из личных запасов правителя.

Юноша осторожно убрал ладонь с кубка. Ему никогда прежде не доводилось видеть величественного Императора Ци в столь разобранном виде.

Мужчина напротив захмелел куда сильнее. Не обращая внимания на холодность сына, он покачивал в руке чашу и что-то бормотал себе под нос.

— Сын, если бы ты только знал... Когда ты тогда сказал, что больше не держишь на меня зла... как же у меня на душе полегчало.

Цзи Яньсин нахмурился. Правитель называл себя просто «отцом» и напрочь забыл о высокомерном императорском «Мы».

— Это я во всем виноват... Обидел вас с матерью, не уберег. И зачем только я тогда затеял ту ссору? Если бы не глупый раздор, если бы в ту ночь меня не обвела вокруг пальца подлая тварь из рода Чжао... разве разлучили бы нас? Разве не успел бы я проститься с Цзяюань?

Грозный владыка Поднебесной, перед которым трепетали миллионы, вдруг разрыдался навзрыд, точно брошенный ребенок.

— Цзяюань, любимая моя... Слышишь ли ты меня? Я исполнил твой наказ. Наш мальчик вырос крепким, достойным человеком. Это я... я ничтожество! Не смог защитить тебя тогда! Почему небо забрало тебя, а не ту змею Чжао?! Она погубила тебя, она едва не сжила со света нашего сына... О, как же я был слаб...

Слезы градом катились по его изборожденному морщинами лицу. Не выдержав тяжести нахлынувших чувств, Император уронил голову на стол и беспамятно уснул.

От услышанного у Цзи Яньсина бешено забился пульс, а на лбу проступили тонкие синеватые вены.

В шатер бесшумно скользнул старый евнух Фушоу, намереваясь помочь захмелевшему государю, но Цзи Яньсин мертвой хваткой вцепился в его рукав.

— Управляющий Фу, вы ведь знаете всю правду, не так ли? Говорите!

— Ваше Высочество... — старик испуганно втянул голову в плечи. — Государь строго-настрого запретил кому-либо открывать эту тайну.

Если бы повелитель не лишился сегодня рассудка от вина, этот секрет ушел бы с ним в могилу.

— Я должен знать, — Цзи Яньсин до боли сжал кулаки. — Прошу вас, умоляю. Расскажите, что на самом деле произошло с моей матерью.

Фушоу тяжело, со свистом вздохнул и покорно опустил плечи.

— Да пребудет со мной милость предков... За эти годы сердце Его Величества превратилось в выжженную пустыню от этой боли. Что ж, пусть даже мне отрубят голову за измену — я открою вам истину, принц.

В те времена, когда вы еще не появились на свет, Его Величество был единственным наследником покойного Императора. Никто не мог оспорить его законное право на престол. Ваша матушка, Благородная супруга Цзяюань, происходила из знатного рода и с юных лет часто гостила во дворце, дружа со старшей принцессой. Они с Его Величеством полюбили друг друга чистой, искренней юношеской любовью. Однако из-за того, что она была рождена наложницей, её смогли наречь лишь боковой супругой. Государь планировал: как только она подарит ему ребенка — не важно, мальчика или девочку, — он тут же объявит её законной женой, а после восхождения на престол возведет в сан Императрицы, чтобы ни один чиновник не посмел возразить. Все шло своим чередом, супруги жили душа в душу, деля и радости, и печали.

Но на их беду во дворец явилась девица из рода Чжао.

Собственная мать Его Величества покинула этот мир слишком рано. Воспитанием принца занималась вдовствующая императрица Ци, супруга усопшего Явленного родоначальника Ци. Хоть она и приходилась ему мачехой, относилась к пасынку вполне милостиво.

Будущая Императрица Чжао была дочерью старшего брата вдовствующей императрицы Ци — то есть двоюродной сестрой Его Величества.

Вдовствующая императрица с самого начала невзлюбила Цзяюань за её неполноценное происхождение, полагая, что дочь наложницы недостойна делить ложе с будущим повелителем империи. Ей страстно хотелось укрепить влияние своего клана, выдав замуж собственную племянницу, старшую дочь своего брата. Племянницу привезли во дворец под предлогом знакомства. Увидев статного, благородного принца, молодая девица без памяти влюбилась в него.

Но боковая супруга Цзяюань оставалась непреодолимым препятствием и занозой в сердце юной девицы Чжао.

Путь к трону никогда не бывает усыпан розами. Даже будучи единственным наследником, Его Величество не мог чувствовать себя в безопасности. Без поддержки влиятельных кланов ни престол, ни власть его мачехи не стоили и ломаного гроша. К тому же на границах вспыхнула

война, и молодому наследнику отчаянно требовалось лояльное войско. Пользуясь моментом, вдовствующая императрица прижала пасынка к стене. В те дни госпожа Цзяюань уже носила под сердцем дитя. Мачеха открыто пригрозила расправиться с беременной женщиной, если принц откажется взять в жены Чжао. Это вынудило Его Величество подчиниться, наполнив его душу смертельной ненавистью к навязанной супруге. С помощью армии клана Чжао наследник одержал великую победу. Старый Явленный родоначальник Ци был восхищен и вскоре передал ему власть. Так Чжао стала Императрицей, а её тетка — Вдовствующей императрицей Ци.

Мачеха заставляла его брать новых наложниц, строго следила, чтобы в первое и пятнадцатое число каждого месяца он непременно делил ложе с законной супругой. Он безмолвно терпел это унижение. Терпела и кроткая Цзяюань. Она лишь ласково утешала супруга, напоминая, что долг правителя и сыновнее благочестие превыше всего, да и тяжелая беременность все равно не позволяла ей быть с ним часто.

Но точкой невозврата, навсегда разрушившей их притворное согласие, стал выкидыш у госпожи Цзяюань.

Коварная мачеха лично подстроила несчастье. Ей во что бы то ни стало требовалось, чтобы первенец императора был рожден её племянницей, дабы навеки закрепить власть клана Чжао над троном.

Потеря дитя подкосила несчастную женщину. Долгие годы она увядала от невыносимого горя, лишаясь последних жизненных сил.

И все же небеса сжалились над ней. Спустя несколько лет госпожа Цзяюань забеременела вновь.

На этот раз Император оберегал возлюбленную пуще зеницы ока, не подпуская к ней никого из дворцовой челяди. Так на свет появились вы, Седьмой принц. Из-за внезапного испуга роды начались на несколько дней раньше срока. В нашем государстве число «семь» издавна почиталось как священное, знаменуя ваше великое и благородное предназначение. По роковому стечению обстоятельств в тот же день разрешилась от бремени и госпожа Жоу. Она родила Восьмого принца, Цзи Яна, но сама не пережила тяжелых родов.

Однако разум государя тогда был полностью поглощен заботой о вас. Ему не было дела до чужого горя; все его помыслы принадлежали новорожденному Седьмому принцу, а похороны несчастной госпожи Жоу провели наспех, без должных почестей.

Несколько лет они жили в относительном покое. Благородная супруга Цзяюань окрепла и подарила мужу дочь — Третью принцессу, Цзи Минъюэ. Императору казалось, что гроза миновала. Он добровольно отдал бразды правления мачехе, не желая ввязываться в грязную борьбу за власть, и просто наслаждался тихим семейным счастьем в кругу любимых людей.

Все рухнуло, когда вам исполнилось восемь лет. Матушка внезапно слегла. Государь созвал лучших врачей со всей страны, но хвороба не отступала. Удивительно, но вдовствующая

императрица проявила к больной редкое милосердие — она лично навещала её и каждый день присылала целебные отвары.

Ваша мать была неглупой женщиной и сразу поняла, к чему идет дело. Вы подрастали, отец души в вас не чаял, и это вызывало лютую зависть у законной Императрицы. Цзяюань понимала: её приговорили к смерти.

Хозяйки дворца твердо решили избавить свои семьи от опасных соперников.

Смерть матери развязала бы им руки, позволив растоптать осиротевшего принца. Но горе было в том, что Император не имел реальной силы, чтобы защитить своих детей. Армия подчинялась клану Чжао. Попытайся он поднять открытый бунт — и погиб бы сам вместе со всеми, кого любил.

И тогда Благородная супруга приняла страшное решение.

Сделав вид, будто устала от придирок и ревности ревливой Императрицы, она уговорила государя разыграть перед всем двором безобразную сцену ссоры. Уверяла его, что разрыв на время усыпит бдительность врагов и даст ей передышку.

Увы, Его Величество поверил её ласковым речам. И лишь слишком поздно осознал, что его возлюбленная сознательно шагнула в объятия смерти.

Увидев, что любимица в опале, а государь больше не навещает Седьмого принца, вдовствующая императрица вздохнула с облегчением. Трон теперь гарантированно принадлежал сыну законной жены. Но чтобы не оставлять за собой недобитых врагов, она велела втихомолку увеличить дозу яда в присылаемых лекарствах.

В ту злополучную ночь Императрица Чжао опоила государя, лишив его возможности прийти на помощь. И в те же часы благородная госпожа Цзяюань испустила последний вздох.

Вы были слишком малы, чтобы понять дворцовые интриги. Вы видели лишь то, что отец предал мать, и ваше сердце навсегда ожесточилось против него. Между вами выросла стена из льда.

После кончины любимой Император изменился до неузнаваемости.

Осознав, какой страшной ценой Цзяюань купила жизнь своим детям, он прозрел. Его слабость убила её. И он поклялся, что виновные заплатят за это своими взглядами и жизнями.

Никто при дворе так и не понял, почему крепкая вдовствующая императрица угасла всего за пару лет. Никто не решился вслух произнести правду о законной Императрице Чжао, которую тайно заставили выпить яд за отравление свекрови, объявив народу о скоростижной кончине от чахотки.

Болтали, будто Его Величество рыдал у гроба мачехи всю ночь напролет от великой сыновней скорби. На самом же деле это были слезы облегчения — месть за замученную жену наконец свершилась, но пустоту в его душе уже ничто не могло заполнить.

С этого дня государь подмял под себя армию, сосредоточил всю власть в своих руках и заставил империю трепетать перед его железной волей. Он стал могущественным владыкой, но навсегда потерял единственного сына, который когда-то звал его просто «папой».

Ваша матушка добровольно принесла себя в жертву, потому что была матерью. У неё не оставалось иного пути в этом змеином логове. Лишь лишив себя покровительства мужа, она смогла уберечь вас с сестрой от неминуемой гибели. Она просто хотела, чтобы её дети жили.

И каждый год в праздник Середины Осени Император Ци оплакивал свою утерянную любовь, и рана в его груди кровоточила так же сильно, как и в день её смерти.

— Вот как все было на самом деле, Седьмой принц, — закончил свой рассказ Фушоу.

— Нет... Это ложь, я не верю! — прошептал Цзи Яньсин, мотая головой. Но жгучие слезы, беззвучно катившиеся по его щекам, выдавали его. Он поверил каждому слову.

Старик грустно покачал головой:

— Ваше Высочество, Его Величеству пришлось нести это бремя в одиночку. Да, он совершал ошибки, но только благодаря его притворному равнодушию вы сегодня живы.

Подобные тайны правящей династии должны были навсегда остаться под заслоном молчания. Разве мог мир узнать, что нынешний Сын Неба повинен в гибели собственной мачехи и супруги? Этот позор разрушил бы государство. И ложь хранили долгие, мучительные годы.

Невыносимая, тупая боль тисками сжала грудь Цзи Яньсина.

Он ненавидел отца за его слепоту в прошлом, но, примерив эту ношу на себя, понял: окажись он на месте матери, он поступил бы точно так же.

Любовь родителей не знает границ; они готовы соткать своим детям безопасное будущее даже из нитей собственной жизни.

Она без колебаний отдала себя на растерзание, чтобы купить ему и Минъюэ право на спокойную жизнь.

А отец все эти годы разыгрывал холодность лишь для того, чтобы придворные стервятники видели их вражду и не смели строить козни против неокрепшего принца. Он ждал, пока его

сын обретет силу и расправит крылья под надежной защитой его показного гнева.

Фушоу осторожно поднял спящего государя и унес его в почивальню. Верный Дэбао остался караулить у входа, не смея тревожить покой принца.

В голове Цзи Яньсина царил полнейший хаос. Внезапно ему вспомнились слова, которые когда-то обронил Цзи Яо. Тот странный парень из другого мира отчаянно дорожил теплом своей семьи и умолял его ценить то, что у него есть.

Цзи Яо лежал в своей мягкой постели, бережно сжимая в руке изящный девятицветный кубок из глазури. Тот загадочным образом перенесся вместе с ним и теперь таинственно переливался в мягком полумраке от света ночника.

«Похоже, на этом наша нить судьбы оборвалась, — с легкой грустью подумал он. — Больше мы никогда не услышим друг друга».

На душе было беспокойно — странная смесь облегчения и щемящей тоски не давала уснуть.

Он все еще отчетливо помнил бескрайнее небо древней империи тысячелетней давности — такое же бездонно-черное, как и над сегодняшним Китаем. Он ведь так и не успел попрощаться с Цзи Яньсином.

— Ну что, Цзи Яньсин... — прошептал Цзи Яо, поднеся кубок к самым губам. — Помирись там со своим стариком и живите дружно. С праздником Середины Осени тебя.

Неизвестно, кому предназначались эти слова — далекому другу или самому себе. Он щелкнул выключателем и закрыл глаза, погружаясь в сон.

Он так и не узнал, как за окном легкий порыв ветра разогнал хмурые тучи, явив миру яркий лик полной луны и мириады мерцающих звезд.

А в это время на другом конце временного потока Цзи Яньсин задумчиво гладил пальцами точно такой же расписной кубок.

— С праздником Середины Осени, Цзи Яо, — тихо вымолвил он в пустоту шатра.